

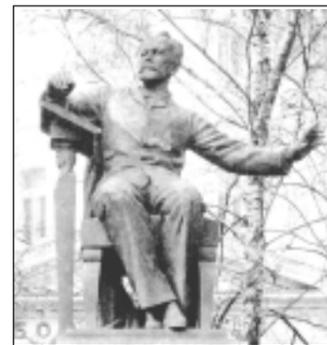
РОССИЙСКИЙ МУЗЫКАНТ

ГАЗЕТА МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
ИМЕНИ П.И.ЧАЙКОВСКОГО

№4 (1242)

АПРЕЛЬ
2006

Выходит
с 1938 года

Московскую консерваторию ждет грандиозное обновление. Однако даже при наличии достаточных средств быстро осуществить его не удастся. Проблема не только в сложнейшей акустике БЗК, которую может нарушить любой лишний гвоздь, но и в масштабе работ. Здания консерватории, не знавшие капитального ремонта с начала прошлого века, предстоит приспособить к современной жизни.

О том, как должна преобразиться наша alma mater, ректор МГК, профессор Т. А. Алиханов рассказал главному редактору, профессору Т. А. Курьшевой.

Тигран Абрамович! Через 100 лет после Сафонова Московская консерватория вновь выходит на качественное обновление. Конечно, хотелось бы, чтобы завершение тоже было таким как у Сафонова: переоборудованное здание, прекрасные новые залы... Это — в мечтах. А пока консерватория полнится слухами, которые дополняют разнообразные газетные публикации. Так что нас ждет? Грандиозная стройка? «Стройка века»?

Если говорить о такой «Стройке века» — реставрации и приспособлении зданий консерватории к современной жизни, то это произойдет не завтра. Сегодня все находится в стадии предпроектных работ. Мы секрет из этого не делаем: наша совместная работа с проектным институтом «Моспроект-4» ведется в течение полугода — они приезжают сюда, мы ездим к ним. С ними встречается не только руководство, но и руководители тех подразделений консерватории, которых вся эта реставрация будет непосредственно касаться. Я имею в виду, прежде всего, Эмму Борисовну Рассину, поскольку один из самых сложных, «краеугольных» вопросов — место библиотеки в обновленном здании. Это и специалисты нашего оперного театра — Владимир Фомич Жданов, Петр Ильич Скусниченко, которые с проектировщиками также общались отдельно. То есть, предпроектный этап проходит не в тиши лабораторий, а здесь, вместе с коллективом Московской консерватории.

Не далее как в пятницу (31 марта. — Т.К.) на расширенном заседании ректората, куда были приглашены все деканы, а также ведущие профессора консерватории, архитекторы показывали концепцию будущего строи-

СТРОЙКА ВЕКА

тельства — это еще не проект, а именно концепция, которая тоже должна быть утверждена, пройти массу согласований, экспертиз... (Кстати, в феврале эта концепция уже была одобрена Общественным советом при Мэрии Москвы)... Но главное, что ни одного шага без нас, без специалистов-музыкантов, сделано быть не может. Так вот, расширенный ректорат эту концепцию одобрил. Следующий этап — внеочередной Ученый совет, который мы созываем раньше намеченного срока, поскольку время не ждет: 11 апреля она будет вынесена на его рассмотрение. Все будут знать, что собираются делать в Консерватории.

Но какая-то стройка уже идет, ее видно из окна Вашего кабинета...

Это противоаварийные работы. Никакого отношения к большой стройке они не имеют. Они касаются фундаментов и фрагментов зданий, которые находятся в аварийном состоянии. Если мы это не устраним, то вступает в силу предписание инспекции по Градостроению, которая требует закрыть наше помещение.

Все каре?

Да, и первый корпус, и второй, и все, что под Большим залом... Я не говорю о Кисловке, там другое. Там главное — это решение мэра передать нам дополнительно три дома, включая тот, что примыкает к Рахманиновскому залу.

Этот самый главный дом, в котором артистическая и который предназначался библиотеке?!

Да, хотя от этого уже пришлось отказаться. И еще о двух домах идет речь. Ю.М.Лужков сказал «Придется нам эти дома Консерватории подарить». Конечно, ничего просто так не дарится! Московское правительство должно за это заплатить огромные деньги...

Эти дома уже у кого-то на балансе?

Естественно! Они давно перехвачены кем-то, и теперь, чтобы нам вернуть, нужно этим организациям предоставить что-то другое. Это очень сложный вопрос, и, насколько я знаю, он пока еще не решен. Но от своих обещаний мэр не отказывается. Более того, он настоял, чтобы эти дома были внесены архитек-

турами в новый проект. А значит, понадобится другое финансирование, другие деньги. Но это была воля мэра, и, основываясь на его распоряжении, архитекторы и делали свое дело.

То есть окончание нашей стройки где-то далеко за горизонтом?

Все, что вкладывается в понятие «стройка» можно разделить на две части: противоаварийные работы, которые должны вестись сейчас, и огромный пласт реставрации, который — следующий этап. И он будет осуществлен только тогда, когда

будут выделены неизмеримо большие средства.

А когда будет решен вопрос о собственности на новые здания?

Собственности у нас не будет никакой. У нас нет права собственности ни на один наш дом. Нам они отданы в оперативное управление. Государство нам дало — вот живите и работайте! А на Кисловке все хитрее: там некоторые дома находятся в собственности Москвы, а другие — в федеральной. Все очень сложно.

Года три назад, когда у нас на Ученом совете развешивали плакаты нового проекта, и я в связи с этими планами брала интервью у Александра Сергеевича Соколова в бытность его ректором, я его спросила: «А когда начнут рыть? Рыть котлован». Сегодня я хочу повторить этот вопрос. У нас сейчас «предпроектный» период, потом будет «проектный»... Ког-

да же начнут «рыть котлован»?

О, еще очень многое надо утвердить. Организация по охране памятников и культурного наследия поставит нам десятки препон. Они очень ревниво следят за тем, чтобы здесь ничего не происходило, причем не только в тех зданиях, где мы уже живем, но и в тех развалах в Кисловке, которые тоже не позволят трогать. Это всё — памятники архитектуры Москвы. Например, в том доме, который рухнул, совершенно потрясающий подвал. Когда летом мы ходили вместе А.И.Комечем, он показывал, что является памятником, а что нет.

То есть, мы обязаны строить так, чтобы каждая мелочь, вся художественная ценность сохранилась?

Вы хотите, чтобы все было соблюдено или чтобы было удобно — чтобы помещение было функциональным?! То, что есть сейчас, не удовлетворяет никаким требованиям современной архитектуры. Даже такой нюанс, что зал вздернут на 4-й этаж (Малый зал). Архитекторам было очень удобно свести всё под крышу, но, с точки зрения строительства, это категорически запрещено, потому что возникает вопрос перекрытий. У зала перекрытия должны быть другие — из акустических соображений. В Большом зале сверху — только крыша, больше ничего нет. Сейчас не допускается, чтобы зал был на 4-м этаже.

Тигран Абрамович, консерватории очень не хватает классов, не только студентам, которые должны иметь возможность заниматься в любое время, но и педагогам. Многие профессора занимают дома, не потому, что им хочется, а потому, что нет нормального класса. Когда-нибудь мы сможем получить дополнительные классы, или в связи с грядущей стройкой у нас их станет еще меньше?

Во-первых, самой концепцией предусмотрено многократное увеличение учебных площадей. К основному зданию должны быть пристроены целые корпуса. Но сначала начнутся работы на Кисловке. И если тот дом, который сейчас обрушился, будет приведен в состояние готовности, то мы будем частично пе-

реводить занятия туда, с тем, чтобы поэтапно закрывать какие-то корпуса. И наши архитекторы, и все организации, которые подключены к решению проблемы, понимают, что учебный процесс не может быть остановлен ни при каких обстоятельствах.

В свое время, когда нам отдали здание Синодального училища, все говорили: «Как замечательно, сколько классов мы получили!» Но Рахманиновский корпус более чем наполовину занят службами — классы постепенно уходили из оборота, превращаясь во что-то другое. Не постигнет ли такая судьба новые площади?

Соответственно нашему проекту, одобренному архитектором, административная часть, по сравнению с учебными классами, будет увеличена минимально, и только по настоятельным просьбам А.В.Зуева (первоначально она должна была быть уменьшена). Расположение всех наших служб будет иметь совсем другой характер.

А студенческая столовая? Она многих раздражает своими запахами, которые первыми настаивают входящего в корпус Малого зала. Она тоже уйдет в другое место?

Студенческая столовая будет на Кисловке в д.3, стр.1 (рухнувший дом). Предполагается также сделать большой центр общественного питания между первым и третьим корпусами с эскалатором вниз (в связи с тем, что корпуса находятся на разном уровне). Но сообщение между Б.Никитской и Кисловкой ни в коем случае не должно быть закрыто — там будет и проход, и проезд.

Как я поняла, концепция обустройства библиотеки тоже изменилась?

Библиотека не перейдет в другое здание — это не соответствует архитектурным требованиям сегодняшнего дня, но она займет гигантское пространство за счет цокольного этажа под Большим залом и первым учебным корпусом: каждая служба, каждый отсек нашей деятельности должен быть сконцентрирован, а не разобшен.

Но подходит ли для Библиотеки подвальное помещение?

Мне довелось бывать во многих университетах, и поражающие воображение библиотеки — на 80% находятся под землей. Если бы мы строили что-то в чистом поле, можно было бы расположить это по горизонтали, но здесь наше (Окончание на с. 2.)

СТРОЙКА ВЕКА

(Окончание.)

здание зажато в маленьком пятке в центре города. И для того, чтобы что-то пристроить, всё должно быть сделано по-современному. Библиотека будет занимать всю территорию, начиная с того места, где сейчас Хранилище.

На каком уровне?

На том уровне, на котором находились отдел кадров, профком, сектор практики. А квадратик внутреннего двора, где сейчас идет ремонт, будет превращен в красивый читальный зал со светом сверху и со всеми соответствующими деталями, характерными для читального зала. Это будет красивое стеклянное помещение. Дальше пойдет абонемент, а потом уже — собственно библиотека, вплоть до того места, где сейчас «Кофемания» (она будет перенесена в застроенный двор между Рахманиновским и основным корпусом). Там, где сейчас находится «Кофемания» и над ней — будут читальные залы. А вместо нынешней библиотеки должно появиться фойе.

Зачем нам фойе в таком центральном месте?

По современным архитектурным требованиям зал масштаба Малого (на 450 мест) должен иметь фойе определенного размера, иначе этого никто не примет. Таким образом, нынешняя территория библиотеки бу-

дет превращена в фойе, в котором можно разместить библиотечный или какой-либо другой музей, чтобы люди, приходя на концерт, могли ознакомиться с консерваторией.

А как слушатели будут в него попадать?

Разработана иная концепция входа в консерваторию: будет задействован парадный вход, ведущий в огромный вестибюль (где сейчас бухгалтерия и кабинет А.В.Зуева). Здесь же будет гардероб. Входящие будут растекаться на две части: одна будет идти в учебный корпус, другая — по главной лестнице в Малый зал. Кроме того, планируется сделать и другой вход в Малый зал со стороны Никитской. Там есть дверь и лестница, можно сделать лифт, в том числе и лифт для инвалидов. Кстати, мы обязаны сделать лифт для инвалидов и в Большом зале.

А все-таки, может быть, вместо фойе нам сделать под Малым залом еще один камерный зал?

У нас в этой концепции предусмотрено строительство трех новых залов: зал оперного театра и два на площади нынешнего Рахманиновского корпуса (они должны как бы выйти во двор). Один из них планируется как многофункциональный конференц-зал. На совершенно изумительном чердаке Рахманиновского корпуса еще можно

сделать репетиционный зал (он уже предусмотрен)... Но я хочу снова сказать, что общение с организацией по охране памятников не будет безмятежным, я не сомневаюсь, что придется писать много всяких писем, обращаться в высокие инстанции...

То есть «стройка века» обещает стать многолетней?

Дело в том, что к нашей проблеме подключилось огромное количество людей — внедрился мэр и Московское правительство, Совет по культуре, которую возглавляет А.А.Калягин (он написал письмо и предложил какие-то способы участия в этой ситуации). Московская консерватория — это организация, которая никого не оставляет безучастным. Если все эти усилия будут скоординированы и направлены в определенное русло, то, я думаю, мы могли бы начать какие-то работы уже в 2007 году. Но по плану Правительства деньги нам выделят только в 2009—2010 году.

Тогда будет уже другой Президент, другое Правительство...

Да. Я не исключаю, что и... ректор будет другой. Но это не означает, что мы должны сидеть и ничего не делать. Уже сегодня (3 апреля — Т.К.) мы пойдем на совещание в Московское правительство — это нужно делать регулярно, каждую неделю и по несколько раз. 11 апреля встречаемся с архитектором, он представит свою концепцию на утверждение. Мы должны очень активно работать...

КНИГА

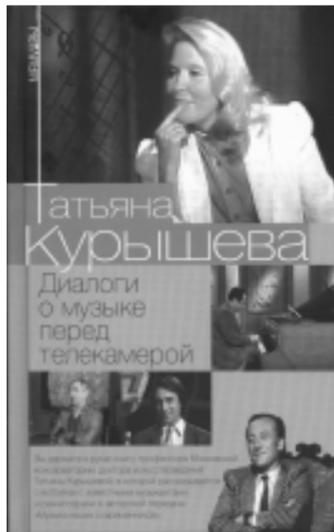
РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПРОЧТЕНИЮ...

Вышла в свет книга профессора Т.А.Курышевой о ее работе на телевидении в середине 80-х годов («Диалоги о музыке перед телекамерой»). Молодой доктор искусствоведения, только что защитивший диссертацию по «театральности в музыке» волею судеб окупнулся на более чем «пятилетку» в новую профессию — телеведущей, автора передач о современной серьезной музыке на центральных каналах. Я видела некоторые из этих выпусков — все было ново, броско, ярко, композиторы и исполнители в студии, раскрепощенные, разговорчивые, играющие, дирижирующие — пир для общения истинным любителям музыки, посетителям академических залов и музыкальных, в первую очередь оперно-балетных театров. Передач, к сожалению, было всего одиннадцать, но тот калейдоскоп знаменитых лиц, можно смело сказать сегодня, представлял неповторимую эпоху 80-х в музыкальной культуре СССР.

Романтика поиска — так можно определить этот проект Т.Курышевой. Он оказался удачным и привлекательным, а главное — первооткрывательским... Ни для кого не секрет, что на телевидении в Главной музыкальной редакции и ранее существовали различного рода «образовательность» и «развлекательность». В этом же случае все оказалось иначе: взгляд дипломированного музыканта-профессионала, интеллект приглашенных, их эмоционально-одухотворенное творчество — составляющие бесед, диалогов, монологов, а главное — звучание «серьезной» музыки, ненавязчиво, естественно вкрапляемой в контекст — это ли не воспитательные, образовательные, познавательные и прочие функции музыкальной культуры?!

Все делалось на пороге «перестройки» — сложного, но и важнейшего периода нашей отечественной истории, жизни, да и просто существования. Сегодня прошлое видится отчетливее, чем тогда и, быть может, поэтому в то время не было должного резонанса в прессе — волнующие проблемы и интересы были другими. В наши годы начала нового тысячелетия такое художественное воспитание масс было бы подобно взрыву, сметающему на своем пути «раскрепощенно-музыкальные» шоу для взрослых, юношества и даже детей. Они (шоу), плавно переключавшиеся с улиц, клубов, диск-площадок, заполнили собой весь эфир (исключая канал «Культура»). На минуту представим себе, сейчас уже в качестве парадокса, что в конкуренцию вступили музыкальные передачи о Р.Щедрина, А.Шнитке, Г.Канчели, Е.Светланове и многих других, с кем беседовала в свое время Т.Курышева — пристрастия уже сформировавшейся определенной категории слушателей были бы не в пользу героев 80-десятых.

Так сменилась социология интересов нынешнего поколения. Поэтому тем более важно, что сегодня, хотя бы в качестве мемуаров, читатели, они же потенциальные зрители-слушатели, могут познакомиться с этими передачами, отражающими колорит, историю и социальные интересы уже ушедшей эпохи, ее интеллектуальную составляющую. И действительно, размышления Р.Щедрина, А.Петрова, Г.Канчели, Е.Светланова, Д.Кахидзе, Э.Денисова, О.Янченко, многие из которых уже ушли от нас, представляют большой интерес своей самобытностью, оригинальностью взглядов, стремлением философски осмыслить свое

время. И, казалось бы, простые вопросы ведущей естественно уводят беседующих в глубины проблем, раскрывая их с самой неожиданной стороны. И исполнительство, и творчество, и само время, в котором они жили — все вместе становится историческим документом, запечатленным в книге. В ней мы можем прочесть порой и неожиданное: в частности, высказывание композитора Э.Денисова, когда он говорит о Сергее Прокофьеве, что «он не композитор №1 в нашей музыке». Привлекают мысли Г.Канчели об опере, о красоте и самоценности *bel canto*, жаль, что эти идеи до сих пор не реализуются в наших оперных театрах...

Т.А.Курышева ярко и драматургически четко выстроила свои главы-«встречи», каждая из которых посвящена одной передаче. Читая их, буквально ловишь себя на мысленном возникновении зрительного ряда. И, может быть, не лишним был бы приложенный диск DVD, с записью избранных фрагментов передач с музыкой и голосами гостей-участников. Это был бы ценный вклад в историю музыкальной культуры XX века.

Профессор Р.Г.Косачева

ПАМЯТЬ

ДАР ИНТЕЛЛИГЕНТНОГО МЫШЛЕНИЯ

24 марта состоялось торжественное заседание кафедры теории музыки, посвященное выходу юбилейного сборника «Сергей Сергеевич Скребков. Музыкант. Ученый. Педагог. Мыслитель» (М., 2005). Приурочено оно было к столетию со дня рождения известнейшего советского музыковеда.

Сначала дочь Скребкова, М.С.Скребкова-Филатова, рассказала о юбилейном сборнике. Он выстроен как восхождение от «воспоминаний об учителе и друге» (первый раздел) к статьям о наследии ученого (второй раздел, «Ученый») и, наконец, к кульминации — трудам Сергея Сергеевича («Мыслитель»). Среди них есть и одна «премьера» — впервые публикуется статья «О методологических принципах моде-

лирования музыкального мышления». Книги Скребкова хорошо известны и в России, и за рубежом, за 39 лет, прошедших с его смерти, издано более 40 его работ, в том числе центральная — «Художественные принципы музыкальных стилей».

Презентация книги оказалась великолепным поводом вспомнить Сергея Сергеевича, как его уважительно называют современные музыковеды. Говорили о связях Скребкова с выдающимся русским философом А.Ф.Лосевым, о «цельности его онтологического видения» (В.В.Медушевский). О Скребкове-математике (С.А.Филатов), о гигантской широте его научных интересов. Наконец, просто о том, «чему научил меня С.С.Скребков». Так называлась речь Е.В.Назайкинского, зачитанная М.С.Скребковой-Филатовой.

Прозвучали воспоминания старейших профессоров консерватории — Г.В.Крауклиса, Ю.Н.Рагса и представителей более поздних поколений — И.К.Кузнецова и А.С.Соколова. Главное же, что запомнилось всем знавшим Скребкова, сформулировал в своей речи В.В.Медушевский: Сергею Сергеевичу был присущ особый «дар интеллигентного мышления». Именно это осталось в его книгах, в памяти его учеников.

Владимир Громадин, студент

ВТОРОЙ ВЕК КАБАЛЕВСКОГО

Исполнился 101 год со дня рождения выдающегося композитора, профессора Московской консерватории Д.Б.Кабалевского. В 35-м классе Консерватории в присутствии коллег и родственников Дмитрия Борисовича был торжественно открыт его портрет, подаренный дочерью Марией Дмитриевной.

Почти пятьдесят лет Д.Б.Кабалевский преподавал в МГК. Начиная с 1932 года, он вел занятия по теории музыкальной формы, истории оркестровых стилей, музыкальной литературе. В 1938 году стал профессором композиции на кафедре Н.Я.Мясковского. Его отличали великолепная школа, доброжелательность, умение расположить к себе студентов. Ряд лет ассистентом Кабалевского был один из любимейших его учеников А.И.Пирумов, ставший впоследствии профессором. Среди его воспитанников — Г.П.Дмитриев, А.С.Караманов, Г.А.Струве, М.С.Скребкова-Филатова, А.П.Кереселидзе, Б.Г.Глухов, В.Б.Яглинг, С.Б.Чеботарев,

(Соб. инф.)

Московская государственная консерватория имени П.И.Чайковского объявляет конкурс на замещение вакантных должностей профессорско-преподавательского состава по кафедрам и научных сотрудников по подразделениям:

современной музыки — преподаватель теории музыки — доцент (2,5)
вычислительный центр — старший научный сотрудник, младший научный сотрудник
междисциплинарных специализаций музыковедов — профессор
струнных, духовых и ударных (ФИСИИ) — заведующий кафедрой

AVE MOZART

МОЦАРТ В ЗЕРКАЛЕ МОСКОВСКОЙ ВЕСНЫ

События, происходящие в мире в год Моцарта, распространились на гигантское культурное и музыкальное пространство. От родного дома в Зальцбурге, от главного города Моцарта — Вены, от города его оркестра («Мой оркестр находится в Праге») до других городов Европы и Азии, Америки и Австралии. Бесчисленное множество концертов, театральных постановок, лекций, выставок...

В марте в моцартовском марафоне ярко прозвучал оригинальный проект «Моцарт в движении времени». В честь 250-летнего юбилея Вольфганга Амадея Моцарта». Место проведения — Москва, Консерватория — признанный центр изучения жизни и творчества гения. Лично для меня уровень и пульс столицы музыкального искусства высочайшего ранга свидетельствовали парящие звуки клавирина, проникавшие через закрытые двери читального зала, и скромно репетирующий в углу коридора молодой флейтист, звуки инструмента которого не опозорили бы акустику самых знаменитых концертных залов мира. Немаловажным компонентом московской моцартиады стало и наконец-то по-весеннему улыбнувшееся солнце, словно согласившееся с Антонином Дворжаком: «Моцарт — это солнечный свет».

Четырехдневное событие было выстроено как циклическое произведение с программными составляющими: «Вселенная Моцарта»; «Моцарт в зеркале истории»; «Мифы, проекты, интерпретации»; «Исполнительство» и увенчано кодой — «Приглашением к каденции» — конкурсом на сочинение лучшей каденции к концертам Моцарта. Получилась постепенно возвышающаяся и накаляющаяся духовная траектория, что не могло быть не замечено участниками и слушателями. «День

начался и заканчивается прямой трубой в Небо», — такое эйфорическое определение третьей части — «Мифы, проекты, интерпретации» — дал профессор из Риги Микус Чеже.

Авторы опуса-проекта — доц. Маргарита Катунян, проф. Евгения Чигарева (кафедра теории музыки) и проф. Александр Меркулов (кафедра истории и теории исполнительского искусства). Докладчики представляли Московскую и Санкт-Петербургскую консерватории, Гнесинскую академию, Академию хорового искусства, Музыкальные академии Вильнюса и Риги, московский Институт философии, а также Ростов-на-Дону и Владимир.

Говорилось о мифах и обертоновой гармонии «Kleine Nachtmusik», обсуждались рецензии «Волшебных флейт» в режиссерской интерпретации Ахима Фрейера, Грэма Вика, постановки Вистурса Кайриша в Рижской национальной опере и Екатерины Поспеловой в московском «Маленьком мировом театре». Пристально рассматривался моцартовский Реквием, *Vesperae*, незаконченное *Kyrie C-dur*, ненаписанная опера «*Demofont*», циклы вариаций и т.п. Объектами размышлений стали солирующий контрабас Моцарта, его музыкальные игры и рецепт *Mozartkugel*. Рассматривались «райские песни» Моцарта для фортепиано с оркестром, звучали интонации небесной благодати, говорилось о колесе фортуны и масонстве моцартовского «Юпитера», о Моцарте — апологете и Моцарте — дионисийце. Не забыли о Сальери и «сером вестнике» смерти — скромном слуге графа фон Вальзегга, и о Пушкине — герое-двойнике Моцарта в спектакле Анатолия Васильева «„Моцарт и Сальери“». Реквием». О «моцартовском» в природе, жизни, душе голосом неба повествовало

фортепиано Ивана Соколова.

Кульминацией московских событий стал конкурс «Приглашение к каденции». Отраднo, что модель моцартовской каденции конкурсанты воплотили далеко не однопланово и не шаблонно, а в широком радиусе индивидуальных подходов как к стиливому решению, так и к взаимоотношению с моцартовским материалом и применяемым композиторским техникам. Как некий *Hompage* с «реверансовыми» коннотациями доминировали каденции в духе венско-классического стиля (Д. Каприн, А. Струков, А. Родионов, А. Наумов, А. Кузнецов, А. Микита). Импровизация на основе разнообразных стиливых модуляций и тематизма Моцарта была присуща каденциям М. Подкуркова и А. Музыченко. Концептуальное постмодернистское решение представил Я. Тимофеев, каденция которого была сочинена в интертекстуальной манере, а инклюзии моцартовского материала словно искривлялись в отображении некоего сюрреалистического зеркала. Радикально современное звучание каденции к клавириному концерту Моцарта *Es-dur* (KV 271) предложил А.Ананьев. Отмечу не только высокий творческий взлет многих конкурсантов, но и суггестивное исполнение своих каденций, артистическую смелость «подключиться» к Моцарту и музицировать вместе с ним.

Причастие к Вольфгангу Амадею, что царило в в весенней Москве, наделило нас радостью, впечатлило и духовно обогатило. Хотелось бы присоединиться к словам Биргит Алопэус из Швеции, которая в книге гостей оставила такие слова: «Благодарю тебя, Моцарт, за твою спасающую и жизнь дарующую музыку. Было бы интересно знать, на какой планете теперь находится твоя душа?»

Гражина Дауноравичене

КАДЕНЦИИ — ИСКУССТВО ИЗУМЛЯТЬ

Величайшая красота каденций состоит в том, что они должны, как нечто неожиданное, изумить слушателя свежей и неординарной манерой и в то же время вызвать в нем высшую степень волнения и страсти!

И.И. Кванц

Наша искусственная публика, уставшая от набивших оскомину традиционных юбилейных торжеств, восторженно приняла «приглашение к каденции» — конкурс каденций к концертам В.А. Моцарта.

От автора каденций во времена Моцарта требовалось сочетание по крайней мере трех качеств: импровизационного мышления, стилистического чутья и технической оснащенности. По сути, каденция представляла собой пограничный жанр на стыке интересов исполнителя, композитора и, позднее, музыковеда. Конкурс был открыт для представителей всех этих специальностей. В жюри, работу которого возглавила проректор по науке, проф. Е.Г. Сорокина, были приглашены композиторы (проф. А.А. Кобляков, преп. И.Г. Соколов), и концертирующие пианисты (проф. А.Б. Любимов, проф. А.А. Наседкин), историки фортепианного исполнительства (и.о. проф. А.М. Меркулов, проф. В.П. Чинаев), музыковеды (доц. М.И. Катунян, проф. Е.Г. Сорокина).

Из поданных девятнадцати заявок восемь поступили от пианистов (студентов, концертмейстеров и преподавателей), еще восемь от студентов-композиторов, две от студентов-музыковедов и одна от скрипача, учащегося ССМШ им. Гнесиных. От каденций клавириных до каденций кларнетовых и скрипичных — таков был диапазон произведений, представленных в конкурсной программе. При этом наиболее обширную группу составили каденции к двум клавириным концертам Моцарта — *d-moll* (K 466) и *c-moll* (K 491), к которым, как известно, авторских каденций не сохранилось. А открылся конкурс демонстрацией записи каденции С.И. Танеева к моцартовскому концерту для двух клавиринов с оркестром *Es-*

dur (K 365), предоставленной А.М. Меркуловым.

Во времена Моцарта не существовало стандартов в подходе к каденции. Одни теоретики считали, что каденция непременно должна быть основана на тематизме концерта. Другие полагали, что такие каденции свидетельствуют о недостатке творческой фантазии исполнителя. То же и в отношении продолжительности. К примеру, известны три варианта моцартовских каденций к первой части клавириного концерта *C-dur* (K 246), из которых первая занимает пять тактов, вторая — два, а третья — тридцать четыре. Таким образом, главным критерием оценки жюри стал уровень исполнительского мастерства и самообытность воплощения художественного замысла.

Призовые места распределились следующим образом: I премию (и вознаграждение в 5000 рублей) разделили преп. РАМ им. Гнесиных, пианист Андрей Микита и преп. кафедры специального фортепиано МГК Александр Струков. II премией (3000 рублей) жюри отметило студента-музыковеда I курса, консерваторца Ярослава Тимофеева и скрипача Артема Наумова из ССМШ им. Гнесиных. III премия (2000 рублей) была присуждена концертмейстеру Александру Родионову и студенту-пианисту III курса Максиму Подкуркову (оба — МГК). Три студента-композитора — Анна Музыченко, Артем Ананьев, Александр Кузнецов и пианист Дмитрий Каприн были отмечены почетными дипломами (все — МГК).

«Каденция — это камень, о который спотыкается большинство солистов», — писал современный Моцарту автор. Для сочинения каденций необходимы талант, проницательность и вдохновение. Лучшие из представленных на конкурсе каденций продемонстрировали несомненную даровитость и творческую изобретательность конкурсантов, а в ряде случаев и по-настоящему глубокое понимание музыки XVIII века. Пожелаем конкурсу счастливого творческого долголетия!

Елена Доленко,
Юрий Рубцов

Московской консерватории — свой гимн!

УСЛОВИЯ КОНКУРСА НА НАПИСАНИЕ ГИМНА МГК

1. К конкурсу допускаются все желающие
2. Гимн должен быть написан на текст, целиком и полностью связанный с Московской консерваторией
3. Существуют несколько текстов, специально написанных для конкурса (находятся в деканате композиторского факультета)
4. Можно использовать (сочинить) свой текст
5. Можно представить несколько разных гимнов (на разные тексты)
6. Ноты гимна представляются в виде клавира (голос с фортепиано); можно в виде хоровой партитуры или одной вокальной строчки, но обязательно с подтекстовкой
7. Ноты гимна сдать в деканат композиторского факультета до 30 мая 2006 года
8. Результаты конкурса будет оценивать авторитетное жюри из профессоров МГК
9. Лучший гимн и соответствующий текст будут отмечены денежными призами и подарками
10. Гимн-победитель станет официальным гимном Московской консерватории и будет исполняться на торжественных актах, посвященных открытию и окончанию каждого учебного года
11. Несколько других гимнов, из числа наиболее удачных по признанию жюри, будут премированы.

ПРОЕКТЫ

САТИ, РОМАШКОВА,
СТРАВИНСКИЙ ...

Имя юной Ани Ромашковой появилось среди мэтров не эпатажа ради. Балетный триптих «Античные фрески» на музыку указанных авторов поставил прославленный московский коллектив «Русский балет» (худ. руководитель — нар. артист СССР В.М.Гордеев). Часть, сделанная Анной, называется «Сирень». Танцевали молодые солисты театра, а играли наши студенты — Нина Куприянова (арфа), Иван Бушуев (флейта), Юрий Джанибеков (кларнет), Филипп Нодель (гобой). Графично-утонченный балет имел успех. Публика горячо приветствовала артистов.

Свой первый балет — «Сказку о рыбаке и рыбке» — Анна написала, когда ей было одиннадцать лет. Сейчас она студентка второго курса (кл. проф. Т.А.Чудовой), и на подходе уже третий балетный опус с использованием электронного звучания. Вместе с Аней над «Сиренами» работала хореограф Ольга Каплунова, выпускница Российской государственной академии театрального искусства (кл. проф. О.Г.Тарасовой). В классе профессора Тарасовой учатся также Родион Лютыи и Виктория Костина, которые сейчас сотрудничают соответственно со студенткой первого курса

Анной Стрельниковой и студенткой второго курса Натальей Соломатиной (обе — кл. проф. Т.Н.Хренникова). В первой случае соавторов заинтересовали народные сказания (балет «Любомир и душа» — новая сербская баллада), во втором — жизнь в современном городе (балет «Сны»). В обоих случаях ожидается интригующий сюжет, динамичная хореография и ярко-театральная музыка.

Студент пятого курса Ярослав Судзиловский (кл. проф. К.Г.Шахназарова) — не новичок в балетном жанре. Год назад он создал опус под названием «Бешеный фаллос», поставленный эстрадным коллективом Московского дома молодежи. Ныне Ярослав отправился в возвышенные сферы. Новый балет именуется «Божество», и ставит его хореограф, воспитанный в академической традиции, — выпускница Московской академии хореографии Марианна Ячменева (кл. проф. Г.А.Майорова).

Здорово, что наши студенты-композиторы работают с молодыми хореографами. Увидеть свое сочинение на сцене — что может быть увлекательнее?

*Марина Вавилова,
студентка II курса*

БУЛЕЗ, МАНТОВАНИ, ДЮЗАПЕН...

В Московском международном Доме музыки состоялась крупная международная акция — «Посвящение Булезу» — концерт с участием Московского ансамбля современной музыки (МАСМ) и Жана Деруайе — дирижера знаменитого парижского ансамбля InterContemporain. На концерте присутствовали Посол Франции в России г-н Жан Кадэ и Министр культуры и массовых коммуникаций РФ, профессор Московской консерватории А.С. Соколов. О концерте и французской музыке корреспонденту «РМ» Марине Воиновой рассказал художественный руководитель МАСМ, композитор Юрий Каспаров.

Во-первых, позвольте поздравить с замечательным концертом! Как возникла идея его проведения?

Наш ансамбль занимается пропагандой французской музыки с 1990 года и регулярно проводит различные концерты и акции. Главное для нас — познакомить публику со всем спектром существующих на сегодня направлений во французской музыке, со всеми интересными композиторами. А во Франции сейчас порядка ста действительно интересных композиторов, которые достаточно широко исполняются за рубежом. Я ученик Э. В. Денисова, он был тесно связан с Францией и познакомил меня с французской музыкой, привил любовь к ней.

Программа продемонстрировала разнообразие жанров и оригинальные композиционные находки, что нашло отражение даже в названиях сочинений: «Турбулентность», «Помощь», «Перед разбитым временем»...

Что касается идеи концерта — прежде всего, мы хотели посвятить его Булезу, поэтому включили в программу наиболее известное его сочинение — *Dégive I* (1984). Далее звучали сочинения композиторов, в чьей музыке проявляется очевидное влияние Булеза. Это Брюно Мантовани и Паскаль Дюзапен. Марк-Андре Дальбави и Жерар Пессон — авторы, которые принадлежат несколько другому направлению. Дальбави — спектральный композитор, а музыка Пессона имеет сонорную основу, в ней много элементов музыкального театра. Его пьесе надо не только слушать, но еще и смотреть.

Хотя, конечно, были еще и практически соображения. Состав нашего ансамбля ограничивается 16 исполнителями, это классическая симфонietta. Мы исходили из того, чтобы были как минимум два

полных туттийных произведения, хотя бы для начала и конца концерта. Так мы отобрали 5 композиторов и выстроили драматургию концерта.

Программа была согласована с дирижером?

Конечно! Жан Деруайе — дирижер молодой, ему нет и 27-ми, но во Франции о нем самые высокие отзывы. При личном знакомстве меня приятно удивили его человеческие качества, насколько он спокоен и прост в общении. На репетициях и особенно на концерте я был просто потрясен уровнем его работы. У него очень точный жест и высокая мануальная техника. Предельная точность сочетается у него с оду-

хотворенностью и эмоциональностью.

Каковы, на ваш взгляд, особенности современной французской музыки?

Я всегда говорил, что для меня важно, чтобы в музыкальном произведении был тематический материал (тематизм в самом широком смысле этого слова, естественно, не ограниченный комплексом звуковысотности и мелодическим структурами). Чем ярче тематизм, тем талантливее композитор. Второе, не менее важное — это умение развить этот тематизм. Чем профессиональнее композитор, тем интереснее и полнокровнее он осуществляет развитие этого процесса. Французская музыка откровенно декларирует все то, что я действительно люблю и ценю.

Что вы вкладываете в понятие «авангард»?

Под авангардом я понимаю изобретение приема и его декларацию, и всё. Конечно, во Франции есть и были авангардисты, как в свое время Булез. Но рассматривать Булеза, как авангардиста, значило бы сильно сузить рамки понимания его творчества. Он не изобрета-

тель приемов, а великий концептуалист.

Что вы можете сказать о перспективах развития современной французской музыки?

Прежде всего, надо сказать, что во Франции велико лидерство социальных институтов, поддерживающих современное искусство. Франция — централизованная страна, и потому в ней единые традиции, нет замкнутости, как в других странах, и очень высок интерес ко всему, что происходит в других регионах. Здесь все работают сообща, идет постоянный обмен информацией, очень много фестивалей, и они проходят во всех концах страны.

Французы любят свою музыку?

Безусловно. Здесь понимают, что такое искусство, бережно к нему относятся, и они до сих пор остаются приверженцами своей национальной идеи. Франция открыта всем странам, готова знакомиться со всем новым. Интересные идеи они принимают, но когда используют их, то всегда по-своему, с особым французским шармом.

В чем же состоит своеобразие французской музыки?

Французская музыка, в отличие от всех других и, скажем, немецкой (которая наминает собрание различных направлений: одна группа композиторов пишет в одном стиле, другая — совершенно в другом), представляет собой действительно школу. Во всех французских произведениях всегда можно найти нечто общее, что относится не только к современной музыке, но и просматривается сквозь столетия.

Я знаю, вы лично знакомы с Пьером Булезом. Поделитесь, пожалуйста, своими впечатлениями о нем.

Да, я имею счастье быть лично знакомым с маэстро Булезом. Как и любой, настоящему великий гений, он очень прост в общении и очень откровенен. Не существует на свете человека, который написал бы письмо Булезу и не получил бы от него ответ. Последний раз я написал ему год назад, поздравил с 80-летием. Ответ пришел через 2 месяца и треть письма (а оно было очень длинным) были извинения маэстро, что он не смог ответить сразу. И это не поза и не кокетство, в этом — весь Булез. Он удивительно отзывчивый и точный человек.

Постановлением Мэрии города Саратова
№112 от 10 марта 2006 г.

«За заслуги перед Саратовом»
профессору Московской консерватории
Борису Григорьевичу ТЕВЛИНУ присвоено звание
Почетного гражданина города Саратова.

Тевлину Борису Григорьевичу присуждена
Золотая медаль и звание Лауреата премии
Фонда Ирины Архиповой за выдающийся вклад в
области хорового дирижирования и за создание
нескольких блистательных хоров, прославивших
Россию, в период более чем полувековой творческой
деятельности
(от 1 апреля 2006 г. №40)

Главный редактор: проф. Т.А.Курьшева
Редакторы: доп. С.В.Наборщикова,
М.В.Щеславская
Редактор выпуска: С.В.Наборщикова
Оригинал-макет: Д.О.Чехович
Верстка: 13.04.2006

103871, Москва, ул. Б.Никитская, 13
e-mail: rio@moscons.ru
Газеты МГК в Интернете:
http://www.moscons.ru
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА
ОБЯЗАТЕЛЬНА